

Литературная жизнь сюжета

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2024-1-5-20

«Пиковая дама»: зоны молчания и призрак исторического романа

Элеонора Илларионовна Худошина

Независимый исследователь

Новосибирск, Россия

junch@mail.ru

Аннотация

«Пиковая дама» Пушкина рассмотрена в статье как две повести в одной: первая – образцовая, в духе Гофмана, фантастическая повесть, очень убедительная с точки зрения «поэтики выразительности» и вполне самостоятельно существующая; вторая – «аналитическая», которая содержит в себе возможности объяснения фантастического сюжета и, следовательно, его «отмены».

Сама эта «отмена» уже была сделана автором в другой статье, а данная посвящена ее последствиям: заполнению разного рода пропусков и умолчаний, главным из которых является парижский эпизод. После отмены фантастического сюжета он выходит на первый план и загадывает читателю множество новых загадок. Эта повесть и построена как аналитическая загадка с заранее данными несовместимыми один с другим ответами на вопрос, чем является тайна трех карт (*случай, сказка, порошковые карты, шутка*). Поскольку тайна эта явлена в «Пиковой даме» трижды, то и удастся доказать, что все эти ответы верны в отношении тех или иных эпизодов этой повести.

«Отмена» фантастического сюжета преобразует и события, и героев этой повести. Героиней парижского эпизода оказывается не легкомысленная красотка, приехавшая в Париж прожигать жизнь и миллионы своего мужа, а фрейлина и доверенное лицо Екатерины. Именно в этой ее роли она была коротко знакома с графом Сен-Жерменом, который и выручил ее деньгами, придумав для мужа тайну трех карт. В ином свете предстает и история с Чаплицким, проигравшим громадную сумму, «помнится, Зоричу», т. е. фавориту Екатерины.

Рассмотрение исторического контекста, к которому отсылает формула «лет шестьдесят тому назад», позволяет увидеть парижский эпизод «Пиковой дамы» в качестве одного из фрагментов возможного исторического романа, своего рода дубля «Капитанской дочки», написанной Пушкиным три года спустя. Действие этого ненаписанного романа могло бы происходить на фоне русско-турецкой войны, польских событий, интриг европейских правительств, пугачевского бунта – всего комплекса политических обстоятельств в жизни Европы и России «лет шестьдесят тому назад».

Ключевые слова

«Пиковая дама» Пушкина как фантастическая повесть и аналитическая загадка, «Медный всадник», «История Пугачевского бунта», исторический роман, герои «Пиковой дамы», Н. П. Голицына, граф Сен-Жермен

© Худошина Э. И., 2024

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2024. № 1. С. 5–20

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2024, no. 1, pp. 5–20

“The Queen of Spades”: Zones of Silence and the Ghost of a Historical Novel

Eleonora I. Khudoshina

Independent Researcher
Novosibirsk, Russian Federation
junch@mail.ru

Abstract

“The Queen of Spades” by Pushkin is considered in the article as two stories in one: the first is an exemplary, in the spirit of Hoffmann, fantastic story, very convincing from the point of view of the “poetics of expressiveness” and completely independent; the second is “analytical”, which contains the possibility of explaining a fantastic plot and, consequently, its “cancellation”.

This “cancellation” itself has already been made by the author in another article, and this one is devoted to its consequences: filling in various kinds of omissions and omissions, the main one of which is the Paris episode. After the cancellation of the fantastic plot, it comes to the fore and poses many new mysteries to the reader. This story is structured as an analytical riddle with pre-given, incompatible answers to the question of what the secret of the three cards is (a chance, a fairy tale, powder cards, a joke). Since this secret is revealed three times in The Queen of Spades, it is possible to prove that all these answers are correct in relation to certain episodes of this story.

The “cancellation” of the fantastic plot transforms both the events and the characters of this story. The heroine of the Paris episode turns out to be not a frivolous beauty who came to Paris to waste her life and her husband’s millions, but Catherine’s maid of honor and confidant. It was in this role that she was briefly acquainted with the Count of Saint-Germain, who helped her out with money by inventing the secret of three cards for her husband. The story of Chaplitsky, who lost a huge sum, “I remember, to Zorich,” that is, to Catherine’s favorite, also appears in a different light.

Consideration of the historical context to which the formula “sixty years ago” refers allows us to see the Paris episode of “The Queen of Spades” as one of the fragments of a possible historical novel, a kind of double of “The Captain’s Daughter,” written by Pushkin three years later. The action of this unwritten novel could take place against the backdrop of the Russian-Turkish war, Polish events, intrigues of European governments, the Pugachev rebellion – the whole complex of political circumstances in the life of Europe and Russia “sixty years ago.”

Keywords

“The Queen of Spades” by Pushkin, fantastic story, analytical riddle, “The Bronze Horseman”, “The History of the Pugachev Rebellion”, historical novel, characters of “The Queen of Spades”, N. P. Golitsyna, Count of Saint-Germain

For citation

Khudoshina E. I. “The Queen of Spades”: Zones of Silence and the Ghost of a Historical Novel. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2024, no. 1, pp. 5–20. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-1-5-20

В статье «Речь и молчание у Пушкина» М. Н. Виролайнен обратила внимание на один из переломных моментов «Медного всадника» – «момент, когда Евгением овладевает безумие: «И вдруг, ударя в лоб рукою, / Захохотал». «Ударя в лоб рукою» – это жест, означающий внезапно явившуюся мысль, озарение. Евгений понял в этот момент что-то очень существенное – именно эта мысль и свела его с ума. Но читатель так никогда и не узнает, что это была за мысль» [Виролайнен, 2003, с. 442]. С. Г. Бочаров, представляя читателю эту книгу, подчеркнул: «Зона молчания в пушкинском тексте – это не зона отсутствия, оно, молчание, присутствует в тексте реально и событийно, потому что присутствует и ощущается нами граница, обрыв от речи к молчанию <...> “порог, который требует преодоления”» [Бочаров, 2003, с. 8]. В отношении «Пиковой Дамы» (в дальнейшем ПД) всё это более чем справедливо: в ней «зоны молчания» встречаются на каждом шагу, и даже есть пример полной параллели тому моменту «Медного всадника» (в дальнейшем МВ), о котором было сказано выше: это когда графиня, под наведенным на нее пистолетом, видимо, как-то решила объяснить случай с Чаплицким: «Она закивала головою и подняла руку, как бы заслоняясь от выстрела...». Но что она хотела сказать, остается поистине в зоне молчания: «Германн увидел, что она умерла» (т. 8 (1), с. 242)¹.

Дело, однако, не в отдельных моментах, а в том, как устроена эта повесть: в ней есть специфические черты загадки (типа шахматного этюда или задачи), когда ответ известен, а задание состоит в том, чтобы найти единственно верный к нему путь. В самом начале повести дано несколько ответов на главный ее вопрос: то, о чем рассказал Томский, что это было? Неужели граф Сен-Жермен действительно умел угадывать *три карты сряду*? Усомнившиеся слушатели предложили три ответа: *случай*, *сказка*, *порошковые карты* (это предположение Томский отверг – иначе его бабушка оказалась бы высочайшего класса мошенницей), позже графиня добавила еще один ответ: *шутка*. Но читатель, разумеется (ведь так куда интереснее!), предпочитает поверить в тайну трех карт – как верит ветреный Томский, как поверил Нарумов, как позже поверил Германн. Как это было многократно отмечено, сперва он высказался резко отрицательно («Сказка!»). Но в середине второй главы (и по прошествии недели) вдруг оказывается, что рассказ Томского «сильно подействовал на его воображение и целую ночь не выходил из его головы». Когда и почему совершилась эта перемена, об этом ничего не сказано: подтвердив веру слушателей в тайну трех карт случаем с Чаплицким, Томский заметил, что уже совсем поздно, «молодые люди допили свои рюмки и разъехались» – конец первой главы.

Ответов, как видим, несколько, а поскольку тайна трех карт явила себя трижды, то вопросы и ответы умножаются, а затем, по мере всё более внимательного анализа ПД, их становится еще больше: читатель (в данном случае коллективный, т. е. литературоведение) обнаруживает в ПД целый ряд отсылок и к конкретным произведениям, и к некоторым жанрам литературы и фольклора (иначе говоря,

---

¹ Здесь и далее тексты Пушкина цитируются по изданию: [Пушкин, 1937–1959].

к разного рода дискурсам). Эти отсылки читатель имеет полное право считать подсказками, наведением на верный путь. Почти всегда так оно и есть – но сам этот путь может оказаться ложным.

Кажется, именно эту особенность ПД имел в виду В. В. Виноградов, когда писал: «В “Пиковой Даме” семантическое многообразие доведено до предела. Художественная действительность образует целую систему движущихся и пересекающихся плоскостей. Их структурное единство не усматривается непосредственно в точной схеме линейных очертаний, а непрестанно меняет формы своей связи и своего понимания, как загадка, у которой правильному решению предшествует множество искусно подсказанных двусмысленных ответов» [Виноградов, 1936, с. 75]. Это удивительно точный в своей наглядности геометрический образ пушкинской семантики, но в конкретном анализе нам легче представить себе наложение и пересечение не семантических плоскостей, а дискурсов. Что же касается уже найденных «двусмысленных ответов», то они могут выводить к новым зонам молчания и даже их создавать. При этом некоторые из них становятся явными лишь после отмены главного сюжета ПД в качестве фантастического. В недавней моей публикации [Худошина, 2022], продолжением которой является эта статья, было показано, как отсылки к разного рода дискурсам, т. е. «общим знаменателям» человеческого мышления, придают пушкинской фантастике впечатление достоверности и порождают множество трактовок фантастического сюжета ПД, который в этой статье был объяснен и тем самым «отменен».

Рассмотрев подробно, как возникает и развивается фантастический сюжет, мы обнаружили, что главную роль в нем играет созданный Томским *эротический дискурс*, а создан он всего лишь тем, как именно Томский, не имея, конечно, намерения компрометировать всеми уважаемую свою бабушку, рассказал свой анекдот и какими игривыми подробностями он его украсил. В результате эротический дискурс, «подтвержденный» убранством спальни графини, оказался «ключом» к ее образу и тайне трех карт: Германн уверен, что тайна откроется тому, кто сумеет стать «вторым Чаплицким», а затем, после смерти графини, включились его «огненное воображение», его «неподвижная идея», суеверия и нечистая совесть, которые и создали все его видения [Там же, с. 87–89], а читатель получил хотя и неясное, но несомненное «знание», что графиня – ведьма, близко знакомая с «волшебником» Сен-Жерменом, а значит, и с какими-то другими «силами», и главный вопрос в этом случае – каковы эти силы и за что они наказали Германа и посмеялись над ним. И этому сюжету посвящено множество очень интересных статей, и именно его нам пришлось «отменить».

Поясним: в сугубо художественном смысле ПД – образцовая, в духе Гофмана, фантастическая повесть, очень убедительная с точки зрения «поэтики выразительности» и вполне самостоятельно существующая. Но у нее есть «изнаночная» сторона, которая, в подобие ленте Мёбиуса, – сторона та же самая. Так что текст ПД – это две повести в одной: первая – фантастическая, вторая – «аналитическая», как мы ее назвали по аналогии с «Tales of ratiocination» Э. По² – с той разницей, что в ней нет аналитика (сыщика или историка): его роль отдана читателю,

---

² Название цикла рассказов о Ш. Огюсте Дюпене – затворнике-интеллектуале, который берется иногда за расследование таинственных преступлений. Обычный перевод этого названия – «аналитические (или логические) рассказы», иногда – «сказки о рассуждении».

он-то и должен распутывать запутанное и разгадывать загадки. Важно подчеркнуть, что обе стороны – это один и тот же текст, а значит, вопросы и ответы перепутываются между собой, так что аналитику, усомнившись, к примеру, что графиня – ведьма, сторонник фантастической версии может ответить: да как же не ведьма, когда ленты на ее чепце *огненного* цвета? А то, что красавица превратилась в страшную старуху? А то, как ее *мертвое* лицо изменилось, как оживились ее глаза при виде незнакомого *мужчины*? Разве не так изображаются ведьмы и в народных сказках, и в художественной литературе? И он будет прав.

В следующих далее заметках мы будем говорить о последствиях отмены фантастического сюжета и о новых зонах молчания, при этом возникающих, в том числе таких, какие появились в процессе долгого изучения ПД, а Пушкиным предусмотрены не были.

О графине

Отмена фантастического сюжета обнаруживает, что о графине, по сути, мы ничего не знаем, за исключением миражей, которые нарисовали эротический дискурс и воображение Германна. Следовательно, нужно обратить внимание на всё, что им противоречит. Этого немного, но кое-что есть. Графиня была фрейлиной Екатерины и до сих пор является важной фигурой в высшем свете столицы: ее приглашают на великосветские балы, и все считают своим долгом подойти к ней с поклоном; она «всегда была строга к шалостям молодых людей»; в свои 87 лет она так умна и так начитана в современной литературе, что Пушкин ей подарил свое ироническое отношение и к европейской «неистойовой словесности», и к русскому нравоучительному роману (Булгарина, конечно); обстановка ее дома, когда-то роскошная, более всего говорит о том, что ее не меняли уже *лет шестьдесят*, а в спальне графини, убранной в стиле рококо, с пастухами, пастушками и проч., нет главного символа «галантного века» – демонстративно роскошного ложа, как это было принято в Париже ее молодости: зайдя за ширмы, Германн увидел маленькую железную кровать. Прибавим к этому ее отношение к «старому чудаку» Сен-Жермену: она «сердится, если говорят об нем с неуважением» (т. 8 (1), с. 239), и замечание автора о том, что графиня «не имела, конечно, злой души» (т. 8 (1), с. 228–229).

Обратимся теперь к ее встрече с Германном. Вот первое, что он видит, войдя ночью в спальню графини:

Перед кивотом, наполненным старинными образами, теплилась золотая лампада. Полияльные штофные кресла и диваны с пуховыми подушками, с сошедшей позолотой, стояли в печальной симметрии около стен, обитых китайскими обоями. На стене висели два портрета, писанные в Париже m-me Lebrun (т. 8 (1), с. 239).

И затем – картина ее ночного одиночества, с вынесенными уже свечами, при свете лампы – увиденная, конечно, его же глазами:

Раздевшись, она села у окна в вольтеровы кресла и отослала горничных. Свечи вынесли, комната опять осветилась одною лампадою. Графиня сидела вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли... (т. 8 (1), с. 240)

В этом изображении безобразной старости мало привлекательного, конечно, а между тем губы ее, может быть, шевелились в привычной молитве, и молодой

архиерей, ее отпевавший, был не так уж не прав, когда говорил о ее бодрствовании «в ожидании жениха полунощного», т. е. смерти и встречи с Богом. Сравнение с «девами» кажется комическим и прячет тем самым серьезный смысл сказанного – ведь за гробом нет возраста. И так же ненавязчиво вера в Бога упомянута в другом месте, в качестве мотива, побудившего Германна явиться на похороны графини:

Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков. Он верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь, – и решил явиться на ее похороны, чтобы испросить у ней прощения (т. 8 (1), с. 246).

В конце-то концов, и по балам она ездила не по одной привычке к исполнению светских обязанностей, но и потому, что должна была, воспитав, вывозить в свет Лизавету Ивановну, раз уж взялась отвечать за ее судьбу, и выдать замуж. Даже Германну, при его больном эгоцентризме, это ясно, почему привидение и велит ему жениться на Лизавете Ивановне.

Теперь посмотрим, как она реагирует на вопрос о трех картах.

Графиня, казалось, поняла, чего от нее требовали; казалось, она искала слов для своего ответа. – Это была шутка, – сказала она наконец, – клянусь вам! это была шутка! – Этим нечего шутить, – возразил сердито Германн. – Вспомните Чаплицкого, которому помогли вы отыграться. Графиня видимо смутилась. Черты ее изображали сильное движение души, но она скоро впала в прежнюю бесчувственность (т. 8 (1), с. 241).

Она не может понять, о чем ее спрашивают, а вспомнив, не может найти правильные слова – может быть, по причине старческого слабоумия? Но этого, как читатель должен бы знать, с ней еще не случилось, судя по ее разговорам и сердитой реплике во время прогулки:

Что с тобою сделалось, мать моя! Столбняк ли на тебя нашел, что ли? Ты меня или не слышишь, или не понимаешь?.. Слава богу, я не картавлю и из ума еще не выжила (т. 8 (1), с. 237).

Конечно, она до полусмерти устала, возвратившись среди ночи с бала, но она, похоже, и правда забыла о таком важном, казалось бы, происшествии в ее жизни, а вспомнив, ищет слова, чтобы не сказать лишнего: например, о тайне ее отношений с Сен-Жерменом и Чаплицким. Какие это отношения, читатель, определенным образом настроенный, «и так уже знает», а вот о том, что именно она решила сказать, Германн не узнает никогда – а мог бы получить неожиданный для него ответ, кто знает, это могло бы его спасти от страшного финала.

Что же касается смешных черт в ее поведении, то это – обобщенный образ старости в ее светском варианте (см. у Баратынского в «Бале» и у Пушкина в отзыве на эту поэму) и старческих причуд, вроде мелочной скупости в сочетании с разорительной беспечностью и домашнего капризного деспотизма. Но это не отменяет благой ее роли в жизни Лизаветы Ивановны: взяв на воспитание бедную родственницу, графиня ввела ее в высший свет и даже обеспечила ей в итоге приличное замужество, хотя и ценой мезальянса (что, впрочем, уже стало к этому времени делом вполне обычным, см. «Роман в письмах»). Парадоксальным образом, она как бы и приданым ее обеспечила, и помогла тем самым еще одной бедной родственнице – той, что взяла на воспитание Лизавета Ивановна: затем, ско-

рее всего, чтобы искупить невольную свою вину в смерти графини и в надежде избавить эту девочку от пережитого ею самой горького опыта. Ответ на этот вопрос может быть только «двусмысленным» и остается в зоне молчания – так же, как образ мужа Лизаветы Ивановны: сын «бывшего управителя у старой графини», он, может быть, давно уже был влюблен в воспитанницу знатной старухи, но не надеялся на взаимность из-за неравного их социального статуса. А когда она осталась одна после смерти «старой ее благодетельницы», он получил надежду и возможность на ней жениться.

Графиня и ее «прототип»

Этот образ графини едва проступает сквозь миражи фантастического сюжета, и Пушкин, кажется, очень надеялся, что в ней будут узнавать черты княгини Натальи Петровны Голицыной. Об этом свидетельствуют его разговоры с друзьями (с П. В. Нащокиным³ и, почти наверное, не с ним одним) и запись в «Дневнике»: «При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Н. П. и, кажется, не сердятся» (т. 12, с. 324).

В. А. Мильчина, рассмотрев путевые заметки княгини, которые та начала писать в 1783 г., но вспоминала в них и о более ранних годах, отвергла закрепившееся мнение о том, что Голицына является прямым прототипом графини. Этому противоречит ряд фактов: реальные сроки пребывания Голицыной во Франции, из-за чего становится сомнительным и ее знакомство с графом Сен-Жерменом – хотя он, навсегда поселившись в Германии, иногда и появлялся, по слухам, в Париже «инкогнито»; ее отношение к карточной игре, совсем не азартное; сомнение в том, что графиня могла ездить в Версаль на «jeu de la Reine»: иностранцы туда не приглашались. Что же касается мистики, то в заметках Голицыной «нет и следа чего-нибудь подобного; она – трезвый реалист, сфера ее интересов – быт и, как ни странно это может показаться на первый взгляд, политика. Голицына ощущает себя неким политическим летописцем, историком» [Мильчина, 1988, с. 140]. Самое же главное заключается в том, что в заметках Н. П. Голицыной нет ничего похожего на образ легкомысленной красавицы, наоборот: «в авторе этих заметок нетрудно узнать ту властную, сильную, «царственную» старуху, хранительницу исторических преданий, какой княгиня стала впоследствии; более того, к этим известным чертам прибавляются менее привычные: княгиня предстает проницательным наблюдателем европейской политической жизни...» [Там же, с. 141]. А нам следует добавить, что она была абсолютно предана русскому царскому дому – это была ее личная идеология; что члены царской семьи в течение всей ее жизни относились к ней с уважением и величайшем доверием; что никто не посмел бы заподозрить ее в изменах своему мужу, и она была так умна и так деятельна, что сумела восстановить пришедшие в упадок его поместья. В молодости

---

³ «“Пиковую даму” Пушкин сам читал Нащокину и рассказывал ему, что главная завязка повести не вымышлена. Старуха графиня – это Наталья Петровна Голицына, мать Дмитрия Владимировича, московского генерал-губернатора, действительно жившая в Париже в том роде, как описал Пушкин. Внук ее, Голицын, рассказывал Пушкину, что раз он проигрался и пришел к бабке просить денег. Денег она ему не дала, а сказала три карты, назначенные ей в Париже Сен-Жерменом. “Попробуй”, – сказала бабушка. Внучек поставил карты и отыгрался» [А. С. Пушкин..., 1974, с. 195].

княгиня действительно блистала и Петербурге, и в Европе, затмевая первых красавиц, но не столько красотой, сколько изяществом, живым умом, талантами и редкостным для России того времени европейским воспитанием.

Из всего этого можно сделать вывод, что княгиня, хорошо ориентированная в политической жизни своего времени, была достойна доверия Екатерины, которая в любых самых сложных делах и обстоятельствах могла на нее положиться. Поэтому ее присутствие в ПД в качестве параллели к образу графини является подсказкой для читателя, потерявшего после отмены фантастического сюжета, а вместе с ним и «эротического дискурса» ключ к этому образу. А с учетом этой параллели мы можем смело сказать, что это не красотка ездил в Париж прожить жизнь и миллионы своего мужа, а фрейлина и доверенное лицо Екатерины.

В таком случае и анекдот Томского должен бы звучать иначе, ведь «лет шестьдесят тому назад» – это было очень непростое для Екатерины время. Россия вела одну из самых значительных в ее истории войн с Турцией, а Европа – дипломатическую войну за и против нее. В это же время в самой России вспыхнул страшный бунт во главе с самозванным Петром III, и тогда же, после ряда успехов самозванца, в Европе объявилась еще одна самозванка: в декабре 1773 г. был пущен слух, что только что приехавшая в Париж «принцесса Волдомир» – это великая княжна Елизавета, дочь русской императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского (в истории осталась с именем «княжны Таракановой»), и Екатерина опасалась ее не меньше, чем Пугачева, тем более что некоторые из ее советников считали и самозванца, и самозванку ставленниками французского двора, возглавлявшего в это время антироссийскую коалицию.

И вот в это самое время в Париж приехала фрейлина Екатерины, за которой бегал весь Париж, и она была допущена ко двору, и ее даже приглашали на «jeu de la Reine» – видимо, потому, что уж очень она была увлечена игрой в фараон. При этом роль ее мужа сводилась к оплате ее безумных трат, в том числе карточных долгов. А проигрывала она членам королевской семьи, всегда нуждавшимся в деньгах, огромные суммы: по подсчетам мужа, они изжили в Париже «полмиллиона за полгода» (сравним: на подкуп турецких чиновников правительство России во время этой войны выделило 100 тысяч, Гринев проиграл Зурину «целых» 100 рублей, и Савельич советует написать ему, что «у нас и денег-то таких не водится», а за голову Пугачева комендант Оренбурга собирался назначить «рублей семьдесят или даже сто»).

Смена дискурса, как видим, меняет смысл события, и мы можем заподозрить, что графиня оказалась в Париже не только для того, чтобы удивлять парижан своей красотой и богатством, что ее муж, скорее всего, не был посвящен во все обстоятельства этой поездки, но ему с благосклонной улыбкой посоветовали не стеснять красавицу-жену в ее парижских тратах, и что он, всегда исполнявший всё, что было связано с придворной службой жены («был род бабушкина дворецкого»), исправно оплачивал ее долги. Но однажды графиня проиграла разорительно много, и муж, наконец, взбунтовался, приведя ее в отчаянное положение: не заплатить карточный долг нельзя ни при каких условиях, а уж не заплатить самому герцогу Орлеанскому, т. е. принцу, которого от королевского трона отделяют всего две ступени, нельзя вдвойне. Как графиня выпуталась из этой страшной ситуации? Этот вопрос после отмены «эротического дискурса» заново становится актуальным.

Граф Сен-Жермен и его «шутка»

Кто и зачем придумал «шутку» о волшебных картах, это не вопрос: конечно, Сен-Жермен (в дальнейшем СЖ), вместе со всеми словами, которые он, якобы, сказал графине и которые мужу ее должны были очень понравиться:

Я могу вам услужить этой суммою, – сказал он, – но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я бы не желал вводить вас в новые хлопоты (т. 8 (1), с. 229).

Понятно, что СЖ помог графине «этой суммою», и она, не сочиняя никаких «маленьких историй» (что было бы абсолютно невозможно, учитывая, где и с кем это была игра), заплатила свой долг. Но почему СЖ это сделал? Ответ на этот вопрос должен содержаться не в нашем знании об этом удивительном человеке, а в тех словах, которые сказал о нем Томский:

Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая. Над ним смеялись, как над шарлатаном, а Казанова в своих Записках говорит, что он был шпион... (т. 8 (1), с. 228)

«Шпион» – это здесь ключевое слово. С. А. Рейсер обратил внимание на то, что Пушкин дважды, не только в ПД, но и на рукописи книги П. А. Вяземского о Фонвизине назвал (в 1832 г.) СЖ шпионом⁴. На самом деле, как выяснили и Рейсер [1979], и Шмид [1998, с. 140–141], тоже внимательно просмотревший многотомные мемуары Казановы, в единственном месте, где упомянут «шпион» СЖ, речь идет всего лишь о том, что герцог де Шуазель хотел воспользоваться пребыванием СЖ в Англии (в стане врага, так сказать), чтобы потом получить от него какие-нибудь важные политические сведения. В этом смысле СЖ мог быть и «шпионом» Екатерины: он, друживший чуть ли не со всеми монархами Европы (если с ними вообще можно дружить), хорошо знал ее немецкую родню и, по слухам, имел отношение к перевороту 1762 г., мог бы ей «услужить» какими-нибудь политическими сведениями. Резонно предположить в таком случае, что не только фрейлина Екатерины совсем не случайно появилась в Париже, но и СЖ совсем не случайно «с нею был коротко знаком» – он мог и в Париж приехать специально, для встречи с доверенным лицом Екатерины, а это значит, что и выручил он не столько даже графиню, сколько саму императрицу.

Тогда и случай с Чаплицким выглядит совсем не так, как представлялось Германну. Так же, как графиня, Чаплицкий попал в безвыходное положение: он «проиграл – помнится Зоричу – около трехсот тысяч» (т. 8 (1), с. 229). Здесь знаковым является имя С. Г. Зорича, фаворита Екатерины в 1777–1778 гг., который доставил и ей, и Потемкину много хлопот своим необузданным характером и особенно своей отчаянной игрой в карты, так что Екатерине пришлось, в значительной мере поэтому, выслать его в подаренное ему имение с приказом в столице не появляться. С Чаплицким могла быть разыграна та же «шутка», но уже с участием самой Екатерины: это она «как-то сжалилась» над ним и, опасаясь скандала (ведь он мог, в его отчаянном положении, и застрелиться), как-то выручила его, велев при этом кому-то шепнуть о тайне трех карт – ведь иначе графиня могла быть страшно скомпрометирована (что, впрочем, позже, т. е. в ПД, всё же случилось).

⁴ См.: [Рейсер, 1979, с. 125–130].

Германн уверен, что поймал графиню на лжи: ведь она смутилась, когда он назвал имя Чаплицкого. А она не могла выдать чужой секрет, но потом решилась, видимо, открыть эту тайну, уже ни для кого не опасную: по прошествии стольких лет это всего лишь анекдот, в изначальном смысле этого слова – незначительный, хотя

и характерный случай из жизни исторического лица, т. е. Екатерины.

Тогда меняется и назначение тайной лестницы, ведущей в кабинет графини и в комнату наверху: теперь в ней легко представить не «молодого счастливец», о котором думает Германн, а какого-нибудь тайного курьера, доставившего из чужих краев секретную почту для государыни.

О Германне

Необходимо отвести утвердившееся в литературе о ПД представление о главном ее герое как о едва ли не мещанине, рвущемся во дворянство. Непредвзятому читателю, однако, с самого начала ясно, что Германн – приятель *конногвардейца* Нарумова – свой среди петербургской «золотой молодежи»: его, отроду не загнувшего «ни одного пароли» и не поставившего на карту ни одного рубля, не потерпели бы в кругу игроков, не будь он равный и свой. Он относительно беден, но и его товарищи еще только ждут наследства – живя пока что, как было принято в этом кругу, долгами. А он уже получил от умершего отца небольшой капитал и другого наследства (в отличие от Онегина, например) не ждет. Подтверждением его неравенства в этом кругу считают иногда его специальность, но это недоразумение: инженер Германн служит в Петербурге, следовательно, является офицером лейб-гвардии саперного батальона, в котором более чем почетно было служить: он находился под особым покровительством самого императора (Александр I создал этот батальон в 1812 г., когда стало понятно, сколь важную роль в войне с Наполеоном сыграли инженерные войска, и шефом этого батальона он назначил своего брата Николая Павловича). А тот и после восшествия на престол сохранил за собой это шефство *в знак благодарности и за верность присяге*: во время восстания 14 декабря этот батальон очень вовремя подошел к Зимнему дворцу для его охраны. Так что Германн, которому относительная бедность не помешала стать офицером этого батальона, конечно, родовый дворянин – может быть, последний представитель когда-то богатого и знаменитого рода (таких немцев на русской службе историк назовет не один десяток), но со временем обедневшего – как род самого Пушкина и его добродетельных героев: Онегина, Езерского, лирического героя «Моей родословной», Евгения из «Медного всадника», Гринева из «Капитанской дочки».

И в его судьбе мы не можем не узнать очень личного для Пушкина «домашнего» переживания истории как истории дворянского рода и тему «падения» старинных родов, на место которых приходит «новая аристократия». Осенью 1833 г. эта тема оказалась развита дважды: в образе потомка варяжских вождей Евгения, смиренно мечтавшего всего лишь о семье и детях (о продлении рода в итоге), хотя и понимал, что это тяжело, что при его бедности и безвестности «...трудом / Он должен был себе доставить / И независимость и честь», – и честолюбивого Германна, одержимого идеей, противопоставив судьбе свою твердую волю, «упрочить свою независимость». Не стоит напоминать, но всё же:

в обеих петербургских повестях герои терпят крушение, сходят с ума и находят «виноватого».

Можно предположить, что именно здесь, в споре с судьбой, зародилась некая «идея» Германна. Об этом в ПД ничего не сказано, но его страстная мечта вернуть своему роду былой блеск и величие могла пересечься со страстью игрока и превратиться в «неподвижную идею» (т. е. манию). Человек пламенного воображения и сильных страстей, он «целые ночи просиживал за карточными столами и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры». Зачем? Столько страсти, столько терпения из одного игрецкого интереса? Вероятнее всего, он верил, что с его-то упорством и волей он сумеет просчитать или разгадать тайну игры, основанной на случае (ведь это очень ходовая тема в фольклоре и литературе об игроках)⁵, и тогда посчитается с судьбой: страсть к игре могла разорить кого-то из его предков, а заодно и потомка. За примером было недалеко ходить: тесть Пушкина, Н. А. Гончаров, в долгом ожидании огромного наследства видел, как оно тает, сознавал, «что его отец разоряет семью», и в итоге сошел с ума⁶.

Случай, сказка, порошковые карты, шутка

Попробуем обосновать четыре заранее данных рациональных ответа на вопрос, чем в ПД является чудо трех карт.

Оно оказалось *шуткой*, которая была придумана «волшебником» СЖ и затем стала семейным преданием, «подтвержденным» через несколько лет слухом о том, что графиня с помощью верных карт помогла Чаплицкому отыгаться. На основе этих «правдивых» слухов («Но вот что мне рассказывал дядя, граф Иван Ильич, и в чем он меня уверял честью» (т. 8 (1), с. 229)) Томский, из мотивов чисто стилевых, сочинил *сказку* о красавице и волшебнике. Наконец, сама повесть, сочиненная Пушкиным, является *сказкой* и *шуткой*.

Теперь о *порошковых картах*, т. е. о мошенничестве. Графиню в этом нельзя заподозрить, Чаплицкого – тоже: кем бы он ни был, а на мошенника не похож. В любом случае и ему, и графине, зная, с кем они играли, было бы слишком рискованно играть «наверное». А вот Чекалинского, человека, «проведшего весь век за картами и нажившего некогда миллионы, выигрывая векселя и проигрывая чистые деньги» (т. 8 (1), с. 249), очень даже можно, его характеристика этого не исключает. Он – профессиональный, в сущности, игрок, человек, судя по его поведению, железной воли и безжалостный: беря за бесценок чужие векселя, он должен был требовать их оплаты – может быть, по суду, ввергая в отчаяние попавших в беду должников.

Аффектация благородства в его поведении тоже о многом говорит: «Он был человек лет шестидесяти, самой почтенной наружности; голова покрыта была серебряной сединою; полное и свежее лицо изображало добродушие; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою» (т. 8 (1), с. 250). Конечно, он человек хорошего общества, но общество в это время «не то, чтобы поощряло, но не порицало так называемую игру наверняка, то есть шулерство» [Падерина, 2009,

⁵ Ср.: [Шмид, 1998, с. 119].

⁶ См.: [Ободовская, Дементьев, 1987, с. 29–34].

с. 194]. В связи с этим стоит привести эпизод из воспоминаний П. В. и В. А. Нащокиных: «У Пушкина был дальний родственник, некто Оболенский, человек без правил, но не без ума. Он постоянно вел игру. Раз Пушкин в Петербурге <...> не имел вовсе денег; он пешком пришел к Оболенскому просить займа. Он застал его за игрою в банк. Оболенский предлагает ему играть. Не имея денег, Пушкин отказывается, но принимает вызов Оболенского играть пополам. По окончании игры Оболенский остался в выигрыше большим и по уходе проигравшего, отсчитывая Пушкину следующую ему часть, сказал: “Каково! Ты не заметил, ведь я играл наверное!” Как ни нужны были Пушкину деньги, но, услышав это, он, как сам выразился, до того пришел вне себя, что едва дошел до двери и поспешил домой...» [А. С. Пушкин..., 1974, с. 194–195].

За свою долгую карьеру этот человек должен был встретить и счастличиков, и мошенников вроде тех виртуозов, каких Гоголь описал в «Игроках», и у него, конечно, на все непредвиденные случаи были «домашние заготовки». Игра Германна не могла его не насторожить, и когда он понял, что риск слишком велик, он постарался, что называется, принять меры, хотя в случае неудачи это грозило ему потерей всего: денег и репутации, «доверенности товарищей», концом карьеры. Недаром *руки его тряслись!* Что же он сделал? Он сделал так, что ему выпала карта, «убившая» карту Германна – ведь ему могла выпасть не дама, а любая другая карта, и тогда бы Германн не выиграл, но и не проиграл, дама не была бы «убита», игра началась бы заново. Как именно Чекалинский проделал свой фокус, мы гадать не можем, это его профессиональный секрет, а нам важно лишь то, что ответ *порошковые карты* нашел свое подтверждение.

И наконец, *случай*. Случайно в присутствии Германна был рассказан анекдот о трех картах и случайно имя «волшебника» оказалось «перепевом» имени Германна (это, пусть и не сразу, должно было показаться ему знаком). Случайно Германн, бродя по городу и размышляя о тайне трех карт, оказался у дома графини, и это так его поразило, что потом, когда уже подсознание привело его к тому же дому, он не мог себе этого объяснить иначе, как чьей-то таинственной помощью: «Неведомая сила, казалось, привлекала его к нему» (т. 8 (1), с. 236). Наконец, Германну выпали задуманные им три карты, и это – точно такой случай, о котором рассказал Пушкину Голицын. Пушкин лишь осложнил его двумя обстоятельствами: психологической причиной – поэтому Германн обдернулся, и тем, что в игре участвовал шулер – поэтому Германн проиграл. Но три волшебные карты тем не менее выпали, и круг замкнулся.

Что же касается фантастического сюжета, то на языке шахмат его можно назвать *ложным следом*, затрудняющим решение задачи, или *иллюзорной игрой* – это когда в шахматном этюде решение вроде бы вполне очевидно, но первый ход эту очевидность ломает и ведет в ложную сторону. В ПД – это когда Германн поверил в тайну трех карт и сделал первый ход: начал любовную «осаду» воспитанницы графини.

Призрак исторического романа

Остается еще один вопрос: что означает формула «шестьдесят лет тому назад» во внутреннем пространстве ПД? Напомним, что эта формула восходит к заглавию первого и самого знаменитого романа Вальтер Скотта «Уэверли, или Шесть-

десять лет назад» (*Waverley; or 'Tis Sixty Years Since*), что она в этом романе повторяется много раз, а критики и подражатели придали ей значение самого «правильного» времени исторического романа, времени бабушек и дедушек – и живых еще семейных преданий об этом времени [Долинин, 1988, с. 233]. Эта формула, неоднократно повторяющаяся в ПД, была истолкована нами как отсылка к «Истории Пугачевского бунта» (в дальнейшем ИПБ) и к задуманному, но еще не написанному Пушкиным историческому роману («Капитанской дочке»). Если глядеть на это из будущего, когда «Капитанская дочка» была уже написана, то так это и есть. Но сейчас мы обратим внимание на открывшуюся после отмены фантастического сюжета новую зону молчания, какой неожиданно оказывается весь парижский эпизод ПД. Теперь, когда эта формула стала иметь не только отсылочное, но и прямое значение, мы можем увидеть примечательную, а прежде незаметную параллель между «Капитанской дочкой» и ПД: рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена издателю его внуком, Томский рассказывает анекдот из жизни своей бабушки. Понятно, что и события, о которых уже рассказал Томский, а Гринева расскажет лишь через три года, совпадают во времени. И тогда парижский эпизод ПД оказывается чем-то вроде фрагмента не написанного Пушкиным исторического романа, действие которого могло бы происходить на фоне русско-турецкой войны, польских событий, ее предварявших и сопровождавших, интриг европейских правительств – в общем, всего комплекса политических обстоятельств в жизни Европы и России «лет шестьдесят тому назад».

Когда Пушкин работал над ИПБ, предполагая, что она, по примеру В. Скотта, может стать историческим введением в задуманный им роман, он не мог не перебирать в своем воображении множество «вальтерскоттовских» вариантов сюжета, в том числе типа «Квентина Дорварда», где главный герой – благородный юноша, несущий военную службу, но не в своей, а в чужой стране, и Пушкин мог прикидывать, не сделать ли главным героем и притом участником войны с Пугачевым немца на русской службе. В ИПБ «немецкая» тема очень заметна. Убийством генерал-майора Траубенберга начался первый мятеж яицких казаков, генерал-майор Фрейман его усмирал и т. д. Пушкин в «Замечаниях о бунте» специально эту тему отметил: «Все немцы, находившиеся в средних чинах, сделали честно свое дело: Михельсон, Муфель, Меллин, Диц, Деморан, Жуве etc. Но все, которые были в бригадирских и генеральских, действовали слабо, робко, без усердия: Рейндорп, Брант, Кар, Фрейман, Корф, Валленштерн, Билов, Декалонг etc. etc.» (т. 9 (1), с. 375). Не случайно и в «Капитанской дочке» друг Гринева-отца, которому он поручил своего единственного сына, – тоже немец, с которым вместе они начинали службу «при графе Минихе».

Героем этого романа мог стать какой-нибудь младший сын из старинной дворянской семьи, а может быть, и дальний родственник Екатерины: таких младших сыновей в Германии этого времени было просто некуда девать. Фоном и местом действия в начальных главах могло стать любое место Европы, в том числе Париж. Исторических личностей, с которыми он мог встретиться, – большой выбор: Суворов и Румянцев, Алексей Орлов, похищающий «княжну Тараканову», польские конфедераты, с которыми она была как-то связана, французские политики и члены королевской семьи, включая герцога Орлеанского, граф Сен-Жермен и фрейлина Екатерины, которой тот же СЖ мог рекомендовать этого юношу как

человека, никому в Париже не известного, а притом верного и честного, заверив, что ему можно поручить дело, требующее особой осторожности.

И молодой человек мог отправиться гонцом в Петербург с письмом к домоправителю графини и приказом тайно поселить этого юношу в ее доме и тайно известить об этом императрицу. Он мог оказаться в свите, а потом и в отряде Суворова, постаравшегося немедленно после завершения русско-турецкой войны тут же выехать на войну с самозванцем. И тогда дедушка Германна много чему мог бы стать свидетелем и наслушаться рассказов о том периоде этой войны, которого Гринев едва коснулся:

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разоренные бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. <...> Пугачев бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена (гл. XIII) (т. 8 (1), с. 364).

Он мог блуждать вместе с отрядом Суворова в раскаленной саратовской степи в поисках бежавшего Пугачева и наехать на «ворующих» кочевников, захвативших в плен жителей русских сёл, он мог бы услышать любопытнейшие рассказы о Державине на этой войне, о саратовском подвиге Бошняка и о неутомимом Михельсоне, он мог бы увидеть Пугачева в железной клетке и Суворова, лично, днем и ночью, его охранявшего, и проч. Он мог бы сделать карьеру с помощью какого-нибудь высокопоставленного покровителя, может быть, самого Потемкина, оценившего его честность и верность и инженерные дарования, и он мог бы встретиться в своих скитаниях с какой-нибудь молоденькой Шарлоттой или Луизой и жениться на ней – может быть, при участии в этом событии самой Екатерины, – чтобы Германну через шестьдесят лет было чем гордиться и о чем жалеть. Но Пушкин выбрал другого героя и написал «Капитанскую дочку».

В заключение следует сказать, что главный ответ о тайне трех карт, который вполне удовлетворяет условиям загадки и совпадает, как самый очевидный, с первой реакцией слушателей Томского (*Случай!*), в более общем плане является ответом «двусмысленным», поскольку ум человеческий не знает, как различить судьбу и случай, и поэтому, вероятно, случай, случайная встреча – это самый распространенный прием в построении литературного сюжета. Он дает автору возможность, не особенно затрудняясь мотивировками, создать необходимую для его сочинения интригу, оставляя нетронутым огромное мыслительное пространство, связанное с обоснованием событий и человеческих поступков. Так и в ПД: несмотря на все разгаданные загадки, ничто не мешает читателю видеть в ее случайностях закономерности и объяснять ее сюжет причинами мистического или метафизического толка.

Список литературы

- А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. 579 с.
Бочаров С. Поверх барьеров // Виролайнен М. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. С. 5–10.

Худошина Э. И. «Пиковая дама»: зоны молчания и призрак исторического романа

Виноградов В. В. Стиль «Пиковой Дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2. С. 74–147.

Виrolайнен М. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. 504 с.

Долнин А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988. 315 с.

Мильчина В. А. Записки «пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1988. Вып. 22. С. 136–142.

Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина. М.: Сов. Россия, 1987. 263 с.

Падерина Е. Г. К творческой истории «Игроков» Гоголя: история текста и поэтика. М., 2009. 447 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Рейсер С. А. Пушкин и мемуары Казановы // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1979. С. 125–130.

Худошина Э. И. «Пиковая дама»: об отсылочном значении формулы «лет шестьдесят назад...» // Прекраснейшей. Сборник памяти Елены Душечкиной. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 83–90.

Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 352 с.

References

A. S. Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov [A. S. Pushkin in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, 1974, vol. 2, 579 p. (in Russ.)

Bocharov S. Poverkh bar'erov [Over the Barriers]. In: Virolaynen M. Rech' i molchanie: Syuzhety i mify russkoy slovesnosti [Speech and Silence: Plots and Myths of Russian Literature]. St. Petersburg, Amfora, 2003, pp. 5–10. (in Russ.)

Vinogradov V. V. Stil' "Pikovoy Damy" [Style of the "Queen of Spades"]. In: Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii AN SSSR [Pushkin: Temporary of the Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1936, vol. 2, pp. 74–147. (in Russ.)

Virolaynen M. Rech' i molchanie: Syuzhety i mify russkoy slovesnosti [Speech and Silence: Plots and Myths of Russian Literature]. St. Petersburg, Amfora, 2003, 504 p. (in Russ.)

Dolnin A. Istoriya, odetaya v roman: Val'ter Skott i ego chitateli [History dressed in a novel: Walter Scott and his readers]. Moscow, 1988, 315 p. (in Russ.)

Milchina V. A. Zapiski "pikovoy damy" [Notes of the "Queen of Spades"]. In: Vremennik Pushkinskoy komissii [Temporary of the Pushkin Commission]. Leningrad, Nauka, 1988, vol. 22, pp. 136–142. (in Russ.)

Obodovskaya I., Dementev M. Natalia Nikolaevna Pushkina [Natalia Nikolaevna Pushkina]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1987, 263 p. (in Russ.)

Paderina E. G. K tvorcheskoy istorii "Igrokov" Gogolya: Istoriya teksta i poetika [On the creative history of Gogol's "Players": History of the text and poetics]. Moscow, 2009, 447 p. (in Russ.)

Литературная жизнь сюжета

Pushkin A. S. Complete Works. In 16 vols. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1937–1959. (in Russ.)

Reyser S. A. Pushkin i memuary Kazanovy [Pushkin and Casanova's memoirs]. Vremennik Pushkinskoy komissii [Temporary of the Pushkin Commission]. Leningrad, Nauka, 1979, pp. 125–130. (in Russ.)

Khudoshina E. “Pikovaya dama”: ob otsylochnom znachenii formuly “let shest’-desyat nazad...” [The Queen of Spades”: on the reference meaning of the formula “sixty years ago...”]. In: Prekrasneyshey. Sbornik pamyati Eleny Dushechkinoy [Most Beautiful. Collection in memory of Elena Dushechkina]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2022, pp. 83–90. (in Russ.)

Shmid V. Proza kak poeziya: Pushkin, Dostoevskiy, Chekhov, avangard [Prose as poetry: Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, avant-garde]. St. Petersburg, INAPRESS, 1998, 352 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Элеонора Илларионовна Худошина, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Eleonora I. Khudoshina, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 15.01.2024;
одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 22.02.2024
The article was submitted on 15.01.2024;
approved after reviewing on 19.02.2024; accepted for publication on 22.02.2024*

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2024. № 1

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2024, no. 1